

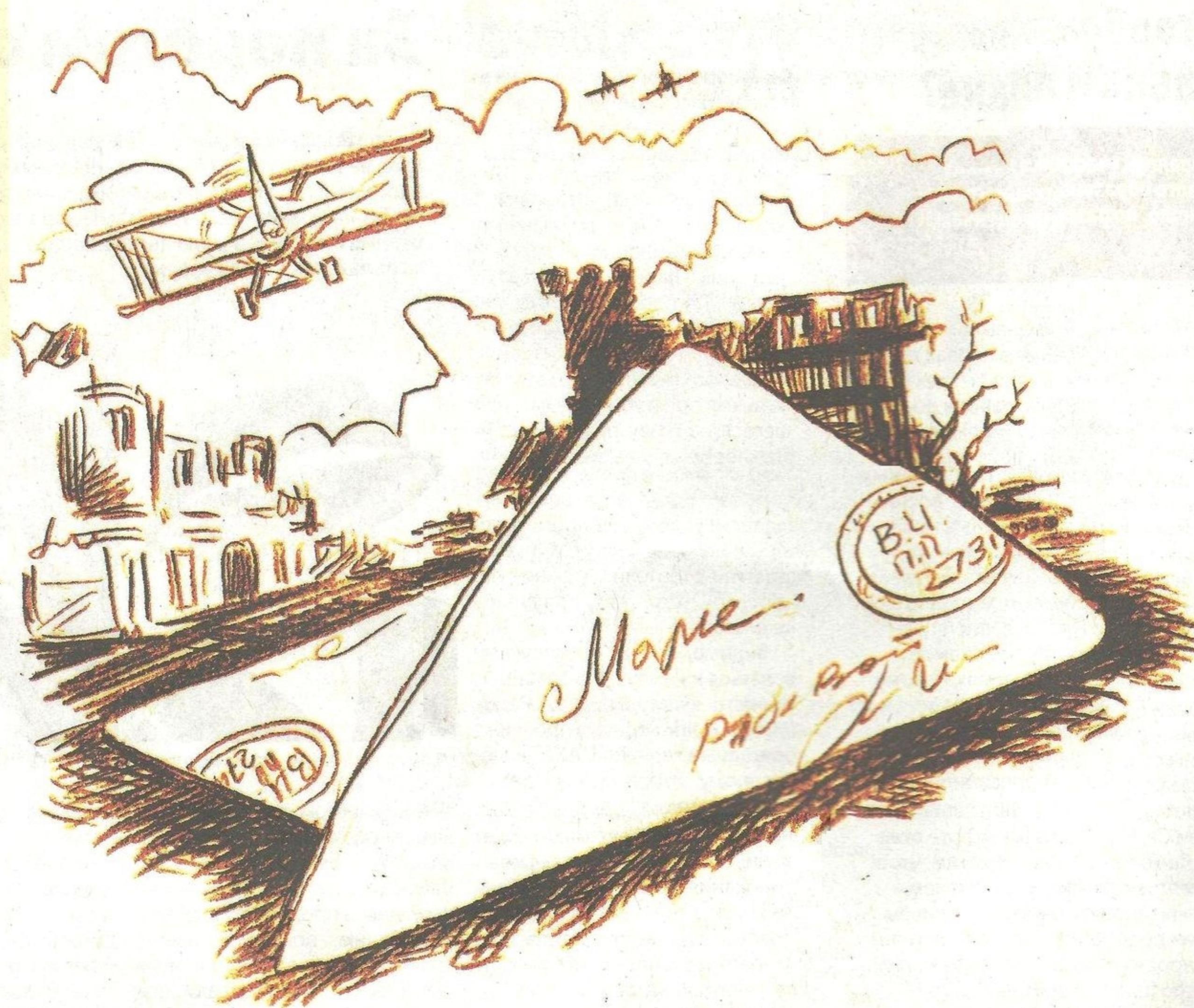
Подборка писем на этой неделе посвящена одному из самых трагических событий середины прошлого века – началу Великой Отечественной войны. В заголовке я вынесла фразу из фронтового дневника. Во-первых, это само по себе уникально, что до нас дошли строки дневника: делать зарубки на память солдатам и офицерам запрещалось. Во-вторых, прощание стало самым главным событием той поры для каждой семьи. Вся подборка читательских писем «Почтовый вагон» покоряет великолепием: без удущившего чувства злобы и мщения описаны и печаль, и горечь, и даже случай спасения врага.

Аркадий Шкуран, Минск:
«Мы совершили диверсию, но о ней никто не узнал»

Моё детство протекало радостно и беззаботно. В 1941 году я окончил первый класс сельской школы. И вдруг – война, которая сразу всё изменила. Первый день произвёл переполох в нашей деревне Порослице. Мужчины были сосредоточены, серьёзны, тайком утирали сквозь слезу, а женщины причитали беспрерывно, не стесняясь своих чувств. И только значительно позже я понял истинную тревогу этих женщин. Они предчувствовали, что со своими сыновьями, мужьями, возлюбленными расстаются навсегда. Только женское чутье сумело распознать жестокость войны с самого её начала. (Из пятидесяти мужчин Порослице с войны возвратились только два калеки). Мой отец был оставлен для подпольной работы в тылу врага. Но по доносу одного из жителей в августе 1942 года гестапо арестовало его и ещё шесть человек, помогавших партизанам. После долгих кровавых допросов все были расстреляны. Я тоже был арестован вместе с отцом. Но комендант распорядился выгнать меня из комендатуры, мол, не дорос ещё до партизан. Немецкие солдаты иногда привлекали нас, детей, для выполнения некоторой работы: расчистка от снега, выгул лошадей и всякое другое. За это можно было получить кусок хлеба. Однажды немецкие солдаты заставили нас очистить от мусора школу. Вот тогда-то, того не замышляя, мы и совершили диверсию, но о ней никто не узнал. А произошло вот что. Кто-то из немецких солдат оставил на окне одного из классов раскрытую пачку папирос. Иван Сенько, старший из всех нас, предложил попробовать немецкую папиросу. У него с собой были кресало, кремень и брезовая губка для зажигания искрой. Пытаясь прикурить, Иван испугался показавшегося немецкого солдата. Он сунул горящую папиросу в промасленную паклю и передал мне, полагая, что на меня немец не обратить внимания: я был меньше всех. Я от страха сунул всё это в дырку пола, где находился разный хлам, надеясь, что оно погаснет. Немец ничего не заметив, поручил нам другую работу и приказал выйти из здания школы во двор. Выполнив его задание, мы все ушли по домам, забыв о попытке покурить. Спустя примерно час после нашего ухода внутри школы возник пожар, уничтоживший и школу, и стоявший неподалёку немецкий танк «Тигр», который был начинён боеприпасами и наполнен горючим. От этого взрыва его так раскручило, что башни отбросило метров на десять. Развороченный он продолжал ещё лет семь стоять на этом же месте и после войны. Я же тогда, боясь ответственности, соврал ребятам, что паклю выбросил на улице. Вот так и осталось для всех неизвестным, отчего согрела школа и произошёл взрыв. Но думаю, это случилось по моей «небрежности». Мы об этом даже между собой мало говорили: страшно было, что кто-то узнает о нашей диверсии. Жаль только, что о взрыве танка не узнали наши партизаны. Они такой случай записали бы в свой арсенал подвигов.

Светлана Минасова, Берлин:
«Чудо: мы все выжили!»

Быть еврейкой, да ещё женой военнослужащего, как была моя мама, в годы войны в оккупированном городе означало стать первой же жертвой фашистов. И когда нацистская армия уже вступала в Одессу, моя мать с тремя детьми – я, двухлетняя, и две старшие сестры – пыталась сесть в последний отходящий состав с беженцами. Все попытки оказались безуспешными, желающих уехать было много. От отчаяния мама стала рыдать, и мы вместе с ней. Этот «кор» привлёк внимание нескольких человек, они стали нам помогать проплынуть в вагон. Но проехав недолгое время, поезд остановился, началась проверка

«Я прижал бедную маму к своему сердцу и долго утешал»

со стороны специальной команды военных железнодорожников. У кого не было билетов или ценных вещей, чтобы расплатиться, тех высадили. Мы оказались в их числе. Наша тогда 27-летняя мама, покидая Одессу, ни о чём другом не думала, как только о том, чтобы увезти детей от беды. Да и не было у нас дома ни денег, ни драгоценностей. Дальше пришлось добираться как придётся. Люди сёл, деревень, городов, которые мы миновали, направляясь в Азию, помогали как могли. Иногда мы продвигались с частями наших отступающих войск, которые однажды на pontонах переправили нас

уйти от пережитых ужасов, включая самоотверженное в восстановление мирной жизни. И даже ленинградцы скромно делятся воспоминаниями о блокадном детстве. К примеру, я, блокадница, ещё никому не рассказывала о том, что войну просидела под столом у добрых, мужественных людей, которые меня прятали. Под столом и подросла. А когда пришло время и можно было выйти из-под стола, родителей моих уже не было. Война – не тема для дружеских бесед, особенно в нашем почтенном возрасте, когда общение – не только самая большая ценность,

прещалось вести дневники. Зная это, на свой страх и риск Владимир Гельфанд всё же записывал увиденное и пережитое. Так что всё написанное в годы войны и сохранённое семью в мирное время – редчайший случай в истории военного времени. Беря руки эти записи, я испытываю желание низко поклониться всей семье Беллы Гельфанд, сохранившей память супруга, отца, дедушки. Я отобрала с согласия семьи лишь несколько фрагментов дневника, чтобы познакомить читателей «РГРБ» и отдать должное тому, что главным может быть в семье – любовь, забота и память друг о друге.

Владимир Гельфанд:
«Дневник войны»

- 22 июня Германия объявила нам войну. Это было ужасно и неожиданно. Всё ребята были уже в сбре. Комсомольцы и не комсомольцы kleili окна, рыли ямы, хлопотали, шумели, были в необычном состоянии. Но вот все стали собираться у продюкторов, подошли и я. По радио выступил Молотов.
- 15.10.41. Сегодня – четверть месяца войны. Но по радио об этом, как и о новых итогах войны за этот период, ни слова.
- 30.10.1941. 6 часов утра. Точно взрывом бомбы поразило меня сегодняшнее сообщение Советского информбюро о сдаче противнику Харькова.
- 31.10.1941. У меня большой радостный и печальный день. Радостный, потому что я увидел впервые за два месяца маму. Печальный, потому что мне пришлось вновь с ней расстаться. Я не умею плакать. Кажется, никакое горе, никакая печаль не заставит меня проронить слезу. И тем тяжелее видеть, как плачет самый родной из родных человек. Я прижал бедную маму к своему сердцу и долго утешал, пока она не перестала плакать.
- 06.05.1942. Произошло решающее событие в моей жизни – меня призвали в армию. Кафровым красноармейцем. Я был совершенно не подготовлен, призваны внезапно, в 9 часов утра: к 10 часам явиться с вещами в военкомат.
- 22.06.1942. Сегодня год войны между нашей страной

«Последний отрезок нашего пути мы ехали в вагоне с углём и наконец оказались в Ашхабаде. Здесь мама стала работать в госпитале...»

через какую-то реку. Трижды мы попадали под бомбёжку, и мама прикрывала нас своим телом, не думая о том, что будет с нами, если она сама погибнет. Во время этого изнуряющего похода я разболелась, так с той поры и по сей день я «сохранила» болезнь кишечника. Мы ведь ели в пути всё, что попадалось под руку: то какую-то траву, то разные неизвестные нам ягоды, то сырую картошку. Иногда маме приходилось работать у кого-нибудь по хозяйству, чтобы получить за это кое-какие продукты. Последний отрезок нашего пути мы ехали в вагоне с углём и наконец оказались в Ашхабаде. Здесь мама стала работать в госпитале. Мы ей помогали, развлекая раненых: пели, танцевали, читали стихи. Этому мы были научены с раннего детства. Всё это время наш папа, находясь на фронте, не переставал нас разыскивать. И только когда его нашло отосланное мамой почти в безызвинность письмо и наше семейное фото, между нами установилась связь. Но встретились мы все вместе только в 1946 году. Чудо: мы все выжили!

Елена Проскура: «Война – не тема для дружеских бесед»

По неписанной традиции ветераны в семьях не очень-то делились воспоминаниями о войне. Они стремились

и немецко-фашистскими гадами. Пишу в землянке, налёты продолжаются. Хаустов, мой боец, окончательно растерялся и даже от испуга заболел. У него рвота, руки трясутся, и лицо перекошено. Он сначала пытается скрыть свой страх, но теперь уже открыто, не стесняясь, признаётся мне, что больше терпеть не может – нервы и сердце не выдерживают.

■ 02.12.1943. Ночью вызвали за партбилетом в дивизию. В два часа ночи получил билет...

■ 21.12.1943. Плачевен исход наступления. Мы почти на старых позициях. Две наши артиллерии стреляли ни к чему хорошему не привели, а наступать надо.

■ 24.12.1943. Вчера ночью немцы опять ходили в атаку, немного потеснили нас, но утром артиллерия выбила их и погнала на прежние места. При этом потеряли они около 300 человек. Ещё сегодня днём лежало много убитых и раненых на ничейной земле – немцы не могли их убрать. Поймали восемь немцев. Они кляли Гитлера. Вот когда только они начинают понимать!

■ 28.04.1945. На улицах Берлина шумно и людно. Немцы, все как один, с белыми повязками. Они уже не боятся нас и вовсю разгуливают по улицам. Генерал Берзарин, мой командарм, назначен комендантом Берлина и уже издал приказ-обращение к местному населению, в котором требует наладить мирную жизнь и возобновить работу.

■ 01.05.1945. Немцы не согласились капитулировать. В 21:15 начнётся артподготовка. Будем разговаривать языком оружия.

■ 10.05.1945. Вчера утром произошло незабываемое событие. Немцы согласились на полную безоговорочную капитуляцию. Скупко, но торжественно сообщили об этом газете.

Эдуард Горбут, Гамбург:
«Нашли в капусте... квашеной»

По окончании войны мне было чуть больше семи лет. Мы с мамой вернулись из эвакуации в Витебск и сняли уголок в чудом уцелевшем на окраине города частном деревянном доме. Маму взяли работать на фанерный завод с шести часов утра до 12 ночи. На работу и обратно она ходила с длинной палкой, чтобы при случае защититься от волков, которых было полно в округе, порой они заглядывали прямо в наши окна. Поэтому мне и не разрешалось самому выходить из дома. Но я хотел оставаться один дома и бегал встречать маму, вопреки её запретам, на проходную. Однажды, ожидая её у входа на фабрику, я услышал, что откуда-то из-под земли доносился слабый человеческий голос. Я вбежал к вахтёрам в каморку и сказал об этом. Они тут же с керосиновыми лампами побежали в сторону овощехранилища, недалеко от проходной. Я последовал за ними. Мы вошли в склад. Там стояли врытые в землю три огромные ёмкости с рассолом квашеной капусты. Ею и другими овощами мы все тогда в основном и кормились. Смотрим, в одной из них плавает немецкий солдат. Дежурный опустил в чан лестницу, помогая ему выбраться. Того колотили от холода и страха, а карманы огромного маскировочного халата были наполнены морковью. Этот солдат, которого мы нашли в капусте... квашеной, был одним из пленных, который вместе с другими немцами привлекался к восстановлению завода. Говорят, их через некоторое время отпустили домой. Наверное, он рассказывал своим родным мучительную историю спасения, не ведая, что его спаситель годы спустя будет жить в его стране.

К печати подготовила
Вера Маэрце